

О. П. СУНИК

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Ближайшая цель этих историко-грамматических заметок — подведение некоторых теоретических итогов специального изучения морфологической природы слова в современных тунгусо-маньчжурских языках, относимых по их «материи» к языкам алтайским, а по их «форме» — к языкам агглютинативным¹. Предлагаемые историко-лингвистические экскурсы подчинены объяснению тех сходных явлений, которые наблюдаются в различных современных языках, но толкуются по-разному в описательных грамматиках и историко-грамматических очерках.

1

Вопрос о морфологическом строении слова в так называемых агглютинативных языках с позиций традиционной науки, выдвинувшей и само не очень ясное понятие «агглютинативный язык», решается относительно просто: если это агглютинативный язык, то л ю б о е слово в нем должно состоять из корня и различного рода прилеп-частиц, или аффиксов. Сходным образом этот вопрос трактуется очень часто и в наши дни. «С точки зрения морфологической структуры, — пишет, например, Н. А. Баскаков, — каждое слово... в агглютинативных языках состоит обычно из следующих своих конструктивных элементов: 1) корня..., 2) аффиксов лексико-грамматического словообразования..., 3) аффиксов функционально-грамматического словообразования..., 4) аффиксов словоизменения...»².

Нетрудной для теоретического решения оказывается поэтому и проблема происхождения этой весьма односторонне охарактеризованной структуры слова. Морфологический элемент, именуемый корнем, в плане не только историческом, но и синхронном отождествляется с отдельным законченным словом. Ибо корень, как принято думать, якобы может в языках агглютинативных (в отличие от языков флективных) «выступать в качестве самостоятельного слова». Что же касается аффиксов-прилеп, то все они в принципе возводятся к самостоятельным в прошлом словам (или — что одно и то же — «корням»). В результате слияния, иначе — склеивания (агглютинации) такого рода «корней», часть из которых со временем превратилась в различные служебные частицы, а затем в аффиксы, и сложилась, согласно этой широко распространенной теории, морфологическая структура слова современных агглютинативных (да и не только агглютинативных) языков. Гипотетический корневой (или «аморфный») строй сменился агглютинативным. Ему на смену пришел флективный. Схема не новая, и притом довольно зыбкая.

Конкретно-историческая сторона проблемы происхождения морфологической структуры слова при таком теоретическом решении ее сводится

¹ См. об этом наши статьи: «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы» (ВЯ, 1957, № 6); «О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках» («Сов. востоковедение», 1957, № 6); «О морфологическом составе слова в агглютинативных языках» (ИАН ОЛЯ, 1958, вып. 4). В этих же работах приведен необходимый лингвистический материал и рассмотрена литература, касающаяся исследуемого вопроса.

² Н. А. Баскаков, Предисловие к кн.: Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 16; Н. А. Баскаков, Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках, «Сов. востоковедение», 1957, № 1, стр. 72, 84.

к фонетической по преимуществу реконструкции первичных корней (архетипов корней исторически засвидетельствованных) и к этимологизации аффиксов, имеющей своей целью возведение, по возможности, каждого из них, как это делал, например, Г. И. Рамstedт и некоторые другие алтаисты, к самостоятельному слову («корню»). И если в отношении ряда аффиксов сделать этого пока не удастся, то все же сторонники этой восходящей к Ф. Боппу теории верят, что со временем цель будет достигнута: порукой тому служат отдельные убедительные и несомненно ценные для науки этимологии некоторых аффиксов.

Изложенные выше взгляды содержат, как нам уже приходилось отмечать, немало спорного. Во-первых, в действительности далеко не каждое слово в агглютинативных языках состоит обычно из корня и аффиксов словообразования, а тем более из корня, аффиксов словообразования и аффиксов словоизменения. В этих языках, как и в языках других типов (например, флективных), наличен не один, а по крайней мере три морфологических типа простого (синтетического) слова: неаффиксальный (иногда называемый «корневым») и аффиксальный, состоящий в свою очередь из двух подтипов — слов изменяемых и слов неизменяемых. Во-вторых, отождествление такой части слова, как его корень, с целым законченным словом не имеет под собой серьезных оснований; их во всяком случае примерно столько же, сколько и для отождествления корня и слова во флективных языках (ср., например, русск. *дом-* — корень, *дом* — слово и т. п.)¹.

Конкретно-историческое возведение каждого аффикса к отдельному в прошлом слову («корню») в ряде случаев крайне затруднено, а в некоторых едва ли возможно вообще. Многие из современных аффиксов этимологически членимы, т. е. исторически состоят из двух или нескольких морфем, и, следовательно, должны возводиться не к одному, а в конечном счете к нескольким архаическим словам. Кроме того, отдельные аффиксы возникли в этих языках в результате морфологических переразложений как корней, так и самих аффиксов. Пытаться возвести такие аффиксы к отдельным самостоятельным словам было бы, по-видимому, напрасным занятием. Нельзя также упускать из виду и того, что аффиксация не является и, несомненно, никогда не являлась единственным способом образования и изменения слова в так называемых агглютинативных языках².

Если бы когда-нибудь удалось с необходимой убедительностью свести все компоненты хотя бы одного многоморфемного слова агглютинативного или какого-нибудь иного исторически засвидетельствованного языка к первичным самостоятельным словам, то и это явилось бы в сущности не концом, а лишь началом конкретно-исторического решения поставленной проблемы: каким образом и когда, на каких этапах развития грамматического строя из отдельных архаических слов образовалось одно целое слово, имеющее свою морфологическую структуру и состоящее из таких общеизвестных морфологических компонентов, как корень и аффикс или основа и окончание?

Задача заключается, по-видимому, не столько в сведении морфологически развитого слова к гипотетическому ряду изолированных архаических слов или архаических словосочетаний, сколько в возведении архаических слов, архаических словосочетаний к тем типам, которые нам известны эмпирически из современного языка и объективные законы образования и развития которых мы пытаемся понять.

Мы, разумеется, не против реконструкции и этимологизации морфем —

¹ Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 202: «корень, как известно, иногда просто совпадает со словом и имеет самостоятельное значение: *стол, дом*».

² В этой статье мы сознательно отвлекаемся от всех иных грамматических способов, наблюдаемых в указанных языках, поскольку нам приходилось уже о них писать и поскольку для наших последующих рассуждений они существенного значения не имеют.

корней и аффиксов, будучи убеждены в том, что если и не все, то очень многие из них в конечном счете принципиально сводимы к отдельным знаменательным словам дофлексивного и доагглютинативного языка. Но такого рода разыскания, призванные, в частности, дать конкретный ответ на вопрос, из чего произошли морфемы современного слова, представляются нам не конечной целью, а только одним из важных этапов историко-грамматических исследований, в задачу которых входит освещение конкретных путей и общих законов развития морфологических структур засвидетельствованных языков, в том числе и языков, именуемых агглютинативными.

Можно привести не один пример удачных попыток возведения отдельных суффиксов тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков к их лексическим прототипам. Таковыми нам представляются, в частности: возведение тунгусо-маньчжурского каузативного суффикса *-бу- к глагольному корню бӯ- «дать», бытующему и в современных языках; возведение окончания, например, дательного-местного падежа *-до к именному корню до- «нуто»; возведение лично-притяжательных и лично-предикативных окончаний имени и глагола к соответствующим личным местоимениям и т. п.

Но алтаистам, как кажется, еще не известны убедительные опыты сведения всех без исключения компонентов многоморфемного слова какого-либо из алтайских языков к соответствующему ряду отдельных архаических слов («корней»), на базе которых сложились и развились современные агглютинативно-суффиксальные формы типа эвенкийск. *мо-ла-син-мука-му-зэ-рэ-и* «он хочет заставить (кого-либо) пойти за дровами» и т. п. Попытаемся обратиться поэтому к некоторым интересующим нас реконструкциям, произведенным на материалах одного из палеоазиатских языков, агглютинирующие аффиксы которого поддаются, по мнению специалистов, вполне убедительной этимологизации (даже без применения обычных приемов сравнительно-исторического метода).

Так, в чукотском языке, согласно выводам П. Я. Скорика, «выявляется непрерывная цепь последовательных переходов от реального корня-основы до словоизменительного форманта: обычная основа (корень), комплексная основа (корень), словообразующий аффикс с ярко выраженным материальным значением, словообразующий аффикс со слабо выраженным материальным значением, словоизменительный аффикс»¹.

Как установил С. Н. Стебницкий, форманты дательного-направительного (-*ты*) и продольно-направительного (-*йны*) падежей представляли в прошлом «глагольные основы». Эти лексические элементы существуют в современном чукотском языке, во-первых, как словоизменительные аффиксы, во-вторых, как аффиксы словообразовательные и, в-третьих, как глагольные корни².

Полагая, что в древних пластах чукотского языка нынешние формативы были «знаменательными корнями», П. Я. Скорик представляет («очень приблизительно») историческое прошлое современного глагольного образования (так называемого инкорпорированного комплекса) «в виде простого следования корней, синтаксические отношения между которыми выражались простым их соположением». В качестве доказательства приводятся следующие примеры: *ны-йаа-мелг-ар-рачвын'-марав-море* «Издали ружьями (в стрельбе), состязаясь, дерем мы (вообще)» [буквально: «Тогда или теперь-(неопределенно)-даль-ружье - (огне-лук)-состяза-драко-мы»]. Ср. *га-йаа-мелг-ар-рачвын'-марав-море* «Давно-даль-ружье-стрелять-состяза-драко-мы» (т. е. «Давно издали ружьями в стрельбе состязаясь, дрались мы») ³.

¹ П. Я. Скорик, Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация, Л., 1948, стр. 92.

² П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 88

³ Там же, стр. 104—105.

Формативами (аффиксами) в этих примерах являются видо-временные префиксы *ны-* (показатель настоящего-прошедшего времени глагола), *га-* (показатель 2-го прошедшего времени глагола) и суффикс (окончание) *-море* (показатель 1-го лица мн. числа предикативной формы глагола и имени). Префиксы возводятся к «знаменательным корням» (т. е. словам) — *ны-* <(и)н-/и(ы)- «тогда или теперь (неопределенно)», *га-* <εэ-/га- «очень далеко или очень давно». Суффикс (окончание) *-море* сопоставляется со словом *мури* «мы» (личное местоимение 1-го лица мн. числа). Что же касается всех прочих, выделенных посредством дефисов морфологических компонентов, то они определяются П. Я. Скориком как «основы или корни» так называемого «инкорпорированного» глагольного комплекса (т. е. пестойкого, временного сложного слова). Все они, следовательно, являются и в современном чукотском языке «знаменательными корнями»¹, но, выступая в качестве отдельных лексических единиц (слов), получают соответствующее оформление, свойственное всякому законченному слову — простому и сложному, в частности «инкорпорированному».

Здесь нет надобности останавливаться на возможном историко-семасиологическом толковании приведенных примеров; нас сейчас интересует только грамматическая природа этих примеров и опыт их историко-грамматической интерпретации. В самом деле, если предположить, что некогда не только знаменательные компоненты «инкорпорированного» слова (составляющие его «корни или основы»), но и аффиксы, обрамляющие «инкорпорированный комплекс» (как и соответствующие простые слова), были отдельными «знаменательными корнями», то следует ли из этого, что любое морфологически членимое слово (простое или сложное) современного языка может быть сведено к простому следованию соответствующих изолированных «корней»? Даст ли такое «сведение» правильную картину древнего состояния языка, в частности его грамматического строя? Можно ли это «сведение» признать одновременно и объяснением происхождения морфологии современного языка?

Думается, что историзм подобных реконструкций, независимо от того, производятся ли они сравнительно-историческим методом или каким-нибудь иным, не предполагающим установления праязыковых архетипов, подлинным историзмом не является. Ведь основной вопрос — вопрос о коренных законах развития языкового строя, в частности о закономерностях возникновения и развития морфологической структуры слова — в этих случаях не только не решается, но в сущности и не ставится.

2

Не только лингвисты, но и отдельные философы давно уже высказывали предположение о том, «что в самом начале человечество выражало свои мысли одиночными словами, которые и были первоначальной формой предложения»². Лишь очень немногие ученые пытались реконструировать эти гипотетические слова-предложения в их реальных звучаниях и значениях. Положительных результатов эти попытки не дали. Следует, однако, напомнить, что, кроме определенных логических оснований, эта глоттогоническая теория находит также и свою эмпирическую опору при соответствующем подходе к некоторым вполне достоверным фактам живых или письменно засвидетельствованных языков. Таковыми являются прежде всего различные типы односоставных предложений, в частности так называемые слова-предложения современного русского языка³. Аналогичные типы односоставных слов-предложений отмечены и во всех дру-

¹ См. В. Г. Богораз, Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь, М.—Л., 1937.

² В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 203; см. также И. И. Мещанинов, Общее языковедение, Л., 1940, стр. 74 и сл.

³ См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, М., Изд-во АН СССР, 1954, § 1105.

гих индоевропейских языках¹. Они имеются в алтайских, угро-финских, палеоазиатских языках. Таким же односоставным словом-предложением может выступать и так называемое «инкорпорированное» слово-предложение юкагирского, алеутского, чукотского языков, привлечение в свое время особое внимание И. И. Мещанинова² и некоторых других лингвистов.

Как известно, «...предложение, способы его построения и его господствующие формы представляют собой наиболее устойчивые элементы структуры языка. Они сохраняются в основном в течение ряда эпох»³. Видимо, поэтому они и оказываются типологически в основном общими для очень многих (в том числе разносистемных и неродственных) языков, и мы вправе предположить, что некоторые типы односоставного слова-предложения засвидетельствованных языков могут послужить тем фактическим (иначе — типологическим) материалом, на базе исследования которого можно составить представление о типе первоначального слова-предложения. Так, по-видимому, обстоит с типом предложения, но, конечно, не с его смысловым значением и морфологическими типами тех слов, которые служили прежде и которые служат теперь средством выражения односоставного предложения. Если в высокоразвитых языках слова вроде русск. *зима*, *морозит*, *бабушки*! и т. п., выступающие иногда в роли односоставных предложений, обладают определенной морфологической структурой, то в первичных словах-предложениях подобной морфологической структуры мы предполагать не можем. «Корнями», «основами» и т. п. эти гипотетические первичные слова признают, рассматривая их сквозь призму структуры современных морфологически развитых слов. Согласиться с такой характеристикой первичных слов (слов-предложений) нельзя. Ведь если эти слова были морфологически не членимыми, если в них не было, в частности, аффиксов, то не могло, естественно, быть и корня, не говоря уже об основе, предполагающей не только наличие корня и аффикса, но и соотносительную категорию окончания (флексию).

Итак, возможно ли в засвидетельствованных (современных и древних) языках обнаружить морфологические типы слова, аналогичные единственному гипотетическому типу «аморфного» (морфологически не членимого) слова первоначального звукового языка? Несмотря на ряд оговорок (некоторые из них мы опускаем в целях краткости изложения), на этот вопрос, по нашему мнению, следует ответить утвердительно. Таковы по своему типу несущифирующие, или «корневые», слова современных тунгусо-маньчжурских языков, вроде *ма* «на», «возьми»; *ээ* ~ *кэ* «пу, да, эй»; *туги* ~ *туј* ~ *ту* ~ *ти* «так»; *хони* ~ *хон'* ~ *он* «как?» и многие другие (слова так называемого третьего морфологического типа⁴). Таковы же по своему типу грамматически не изменяемые и морфологически не членимые (на данном этапе их развития) слова русского и любого другого языка, в котором они имеются: слова, входящие в некоторые разряды наречий, междометий, а также союзов и предлогов. Конечно, при общности морфологического типа между образующими этот тип словами на разных этапах развития языка имеются и существенные различия. Эти различия заключаются, в частности, в том, что далеко не каждое слово данного типа может практически выступать как односоставное слово-предложение наших развитых языков (например, некоторые союзы, предлоги, отсутствовавшие в архаических языках).

¹ См., например, об этом: Г. Шухардт, Избранные статьи по языкознанию, М., 1950, стр. 80.

² Так называемое «полное инкорпорирование» неправомерно толковалось тогда как средство выражения архаических двусоставных предложений — с субъектом, объектом и предикатом, якобы заключенными в форме одного цельного слова (см., например: И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 75 и сл.).

³ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, § 28.

⁴ См. нашу статью «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы», стр. 5—6.

Для того чтобы попытаться понять хотя бы самые общие закономерности морфологического развития и наметить важнейшие исторические вехи постепенного развития более сложных структурных типов слова, поставим, далее, такие вопросы: как может быть представлен (разумеется, гипотетически) строй первоначального состояния звукового языка, в котором господствовало «аморфное», «корневое» и т. п. слово (слово-предложение)? Какими путями могло идти развитие этих простейших форм речи, каким образом на их базе складывались и развивались более сложные и совершенные формы, известные нам по материалам засвидетельствованных языков?

Можно думать, что и в наиболее архаической речи, наряду с одиночными и «аморфными» словами-предложениями, отделенными друг от друга интонационно, паузами, постепенно складывались, с одной стороны, паратактические словосочетания, употреблявшиеся как своего рода сочиненные односоставные предложения ($C = P$; $C, C = P$)¹, а с другой, возникали архаические прототипы двусоставного предложения ($C - C = P$, а также $C, C - C = P$; $C - C, C = P$).

Потребности общества должны были вести к непрерывному усовершенствованию и развитию архаических форм речи. Новый морфологический тип слова (не отменяющий и не заменяющий, однако, полностью предыдущего) мог явиться при возникновении архаического словосложения, т. е. образования архаических сложных слов путем агглютинации (соположения) членов некоторых паратактических словосочетаний ($C, C > C + C$), объединяемых единой интонацией, свойственной отдельному слову. Такие вначале весьма неустойчивые сложные слова могли выражать либо односоставное предложение, либо один или оба члена двусоставного. В дополнение к вышенамеченным типам слова и предложения могли появиться и такие, как $C + C = P$; $C + C - C = P$; $C - C + C = P$ и т. п. Сложные слова подобных типов (иногда непродуктивных) можно обнаружить во многих языках. Ср. напайск. *на́нај* < *на́ + нај* «земля человек» > «местный, здешний человек» (самоназвание нанайцев), *ходанај* < *хоба + нај* «товар человек» > «торговец», *чаоханај* < *чаоха + нај* «война человек» > «воин» и т. п. Ср. также сложные (устойчивые и «инкорпорированные») слова некоторых палеоазиатских языков.

Дальнейшее развитие морфологической природы слова могло привести к возникновению окказиональных служебных слов, противопоставляемых словам знаменательным, а также к возникновению сложных слов, состоящих из компонентов знаменательного и служебного. Эти процессы могли быть связаны с дальнейшим развитием и усложнением типов одно- и двусоставных предложений, с дальнейшим развитием форм словосочетаний и сложных слов, с постепенным установлением (прежде безразличного) порядка следования членов словосочетаний, а также порядка расположения компонентов сложного слова. При таких условиях должны были возникнуть (наряду с прежними паратактическими сочетаниями) сочетания синтаксические, в частности — для выражения атрибутивных отношений, противопоставляемых отношениям предикативным (в архаических типах двусоставных предложений).

Типологически сходные явления широко известны из наблюдений над многими засвидетельствованными языками. Так, например, в тунгусо-маньчжурских языках в качестве окказионально-служебных слов выступают некоторые имена с пространственным значением (имена-последлоги), глаголы би- «быть», о- «становиться» и т. п. Ранее упомянутое напайск. *нај* ~ *ни* > -*ни* выступает в ряде случаев как аффиксальный компонент, например, *илани* < *илан нај* «втроем», *дуини* < *дуин нај* «вчетвером» (буквально: «три человека», «четыре человека»). Становится обычным по-

¹ Пользуемся следующими сокращениями: С — слово, П — предложение, К — корень, А — аффикс. Тире обозначает предикативную связь.

рядок следования членов в атрибутивных словосочетаниях: определение — определяемое, в предикативных: подлежащее — сказуемое и т. п.

Дальнейшее развитие языкового строя должно было привести к возникновению древних собственно-служебных слов, отчетливо противопоставленных (по функции и значению, но еще не по морфологической природе) словам знаменательным, а также окказионально-служебным, часть из которых и развилась в собственно-служебные. Подобные языковые процессы и соответствующие типы слова известны из грамматик многих языков народов СССР (собственно-последлоги, союзные слова, связки, служебные глаголы и т. п.).

Наряду с изолированным (аналитическим) употреблением служебных слов развивалось их синтетическое употребление в качестве грамматических компонентов слова. В плане типологическом и эти явления известны по материалам многих хорошо изученных языков.

Превращение отдельных служебных слов, а также служебных компонентов некоторых типов сложного слова в аффиксы (префиксы, суффиксы) органически связано со становлением нового морфологического типа слова, обладающего морфологической структурой (в узком смысле этого термина) и состоящего из корня и аффикса. Наряду со старыми типами простого слова (С), знаменательного и служебного, а также слова сложного (С + С), образовался новый тип: $K + A = C$, $A + K = C$, $A + K + A = C$, $K + K + A = C$, $A + K + K = C$, $A + K + K + A = C$ и т. п. Сложился аффиксальный, или, иначе, корневой, тип слова. Слова подобного морфологического типа широко распространены во многих современных языках. В языках алтайских (суффиксально-агглютинативных) они представлены так называемым вторым («суффиксально-непродуктивным») типом слова. Это грамматически не изменяемые слова, но обладающие признаком морфологической структуры, состоящие из одной корневой и одной или нескольких суффиксальных морфем¹.

Дальнейшее развитие аффиксации, связанное, в частности, с усовершенствованием форм словосочетания и предложения, должно было вести и действительно привело к возникновению, наряду с аффиксальными формами словообразования, аффиксальных форм словоизменения (включая сюда и так называемое формообразование). Сложился тот тип многоморфемного слова (с морфемами корневой и аффиксальными, в том числе «нулевыми»), который мы назвали, исходя из его роли и значения в современных языках, первым (или «суффиксально-продуктивным») типом² и который часто признается для агглютинативных языков как бы единственным³.

Только в словах, обладающих такой развитой морфологической структурой, наличны два новых соотносительных компонента (или две морфологические части) слова — его основа и его окончание (иначе — тема и флексия). В тунгусо-маньчжурских и многих других языках данный морфологический тип составляют слова склоняемые и слова спрягаемые⁴.

Думать, что сначала возникла основа слова, а затем на каком-то последующем этапе развития языка возникло (или возникнет) его окончание (флексия), столь же неправомерно, как думать, что сначала возник корень слова и лишь впоследствии аффикс⁵.

¹ См. нашу статью «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы».

² См. там же.

³ См., например: Н. А. Баскаков, Предисловие..., стр. 16.

⁴ См. нашу статью «О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках».

⁵ Между тем не только некоторые специалисты по агглютинативным, в частности алтайским, языкам, но и отдельные специалисты по флективным индоевропейским языкам рассуждают, по-видимому, иначе. Так, например, Н. Д. Андреев в статье «Периодизация истории индоевропейского праязыка» (ВЯ, 1957, № 2) утверждает, что в праязыке раннеиндоевропейского периода могли быть только «одноморфемные основы», равные

В заключение хотелось бы отметить, что современные тунгусо-маньчжурские, как и многие другие, языки обладают многообразными формами грамматического словоизменения. Ведущим и преобладающим способом словоизменения, а также словообразования в них, как и во многих других языках, выступает аффиксация. Типы и формы словоизменятельных аффиксов-окончаний имеют, в сравнении, например, с окончаниями слов русского и других флективных языков, свои отличия — и количественное (количество аффиксов-окончаний), и качественное (частные значения аффиксов-окончаний); различны они не только по своему звучанию и значению, но часто еще и по характеру соединения с основой. Но все они типологически едины и однородны по своей морфологической природе, по своим функциям и особенностям грамматических значений.

Развитие морфологической структуры слова, разумеется, не заканчивается на становлении изменяемого синтетического слова и выделении в нем основы и окончания. Архаический синтетизм возник на базе предшествовавшей ему изоляции, или архаического аналитизма. На смену старым синтетическим формам могут прийти и приходят новые собственно-аналитические формы, а на их базе складываются новые синтетические. Смены эти не являются, конечно, только сменами различных — равноценных или неравноценных — технических средств грамматического строя языка. Они свидетельствуют о прогрессивном развитии, о совершенствовании языкового строя, ибо смены эти не представляют собой движения по кругу, а являются движением по восходящей. Аффиксизм современного английского языка, не исключающий полностью аффиксации, очень мало, как можно думать, похож на аналитизм первобытной архаической по своему строю речи, о которой мы можем составить лишь самое общее представление. Аналитизм современного китайского языка, также не исключающий аффиксации¹, имеет больше общих черт с аналитизмом языка английского, чем с гипотетической «аморфностью», или изоляцией, той же (теоретически реконструируемой) первобытной речи.

Невозможно представить себе тип языка, в котором бы слово имело основу и окончание, но не имело бы корня и аффикса: явления эти тесно связаны и в плане синхронном, и в плане историческом. В полиморфном современном слове выделяются, с одной стороны, и корень, и аффиксы, с другой — основа и окончание (флексия). Явления эти сходные, иногда перекрещивающиеся и внешне совпадающие, но всегда качественно различные, разноплановые, хотя и сосуществующие в определенные периоды развития морфологической структуры слова. В конечном счете и корень слова, и многие аффиксы восходят к архаическому типу неизменяемого, доморфемного слова, хотя нередко родословная некоторых аффиксов, а также корней ограничивается ближайшими историческими периодами (ср., например, личные окончания и личные местоимения тунгусо-маньчжурских языков). Можно представить период, когда были слова, состоявшие из корня и аффикса, но не имевшие основы и окончания. Слова подобного типа встречаются и в современных языках (некоторые разряды прилагательных, наречия). Это — грамматически не изменяемые слова, хотя и членимые на составные морфемы.

Основы и окончания возникли после становления корня и аффикса, на их базе. Но возникновение основы и окончания не было полным преобразованием корня и аффикса соответственно в основу и окончание. Окончание генетически связано не с аффиксом вообще, но ближайшим образом с аффиксом словоизменятельным. В свою очередь основа генетически

корню, который в свою очередь равен слову. В следующий, старший среднеиндоевропейский период произошла «диморфемизация» основы, возникла «двухморфемная основа», состоящая из корня и суффикса-распространителя. И только в следующем, младшем среднеиндоевропейском периоде появилось окончание слова (в связи с возникновением словоизменения).

¹ См. Н. И. Копряд, О китайском языке, ВЯ, 1952, № 3, стр. 70 и сл.

связана не только с корнем слова, но также и с определенными разрядами аффиксов — аффиксами словообразования, точнее — с аффиксами основообразования. Приходится поэтому и в плане синхронном, и в плане историческом проводить определенное различие между: а) «аморфным» словом (без корня и без аффикса), б) словом, состоящим из корня и аффикса, и в) словом, состоящим из основы и окончания. В последнем случае корень нужно рассматривать лишь как одну из специфических морфем основы, в то время как в первом случае мы имеем дело не с корнем, а с целым словом, которое может стать корнем и становится таковым с возникновением аффикса, при соединении с ним. Корень в соединении с аффиксом еще не есть основа, хотя их сочетание может стать основой слова и становится ею при соединении с окончанием, возникающим на базе выделения особых аффиксов — морфем грамматического (реляционного) словоизменения. Присоединяясь к основе, окончания не только изменяют форму слова, но и в определенном смысле образуют его, завершая тематическую часть слова (основу) в целое, законченное слово. Мена окончаний, присоединяемых к одной и той же основе, образует парадигму грамматических изменений одного и того же слова, обладающего одним и тем же лексическим и общеграмматическим значением. В этом состоит словоизменятельная роль окончания. Замена одной основы другой основой того же типа при сохранении того же окончания, означает изменение лексического значения слова, но сохраняет общеграмматическое его значение. Изменение типа основы (количества и качества образующих основу морфем), если оно не влечет за собой изменения типа окончания, связано, как правило, с формообразованием (образование форм числа, субъективной оценки, вида, времени и т. п.) Изменение же типа основы, влекущее за собой изменение типа окончания, означает, как правило, лексическое изменение слова, т. е. словопроизводство. В плане грамматическом последнее связано, во-первых, с основообразованием (деривация, изменение основы) и, во-вторых, с основозавершением, т. е. изменением окончания; в целом эти изменения означают также и изменение общеграмматического значения слова, на основании которого данное слово принадлежит к определенной части речи.

Нам кажется, что сформулированные выше выводы, сделанные из наблюдений над агглютинативными тунгусо-маньчжурскими языками, не позволяют говорить о каких-то принципиальных различиях между морфологической структурой сопоставимых типов слова в языках, относящихся к различным морфологическим типам. А это в свою очередь указывает на то, что традиционные типы языков и имеющие широкое распространение морфологические классификации нуждаются в существенных поправках и изменениях.